

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ ИЗМЕНЕНИЙ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

*М.Н. Родштейн*¹

¹Самарский государственный социально-педагогический университет
443099, Россия, г. Самара, ул. М.Горького, 65/67

¹E-mail: rodshtein@inbox.ru

В статье предложено теоретическое и эмпирическое обоснование латентного процесса изменений гендерной идентичности. В качестве объекта исследования выступает феномен перформативности гендерной идентичности как свойство, позволяющее конструировать и актуализировать формат гендерно-ролевого дисплея в процессах успешного и неуспешного социального взаимодействия. В качестве эмпирических аргументов выступают гендерные предпочтения подростков в формальных и неформальных практиках взаимодействия.

Ключевые слова: *гендерная идентичность, маскулинность, феминность, перформанс, перформативность, поло-ролевые отношения, андрогиния, полотицизированность.*

Изучение социальной структуры (полоролевых отношений) привело к выявлению процесса постоянного формирования, переформирования, изменения гендерной идентичности. Батлер пишет: «Гендер всегда является деланием» [1], что определяет методологическую необходимость анализа именно процессов «делания» полоролевого интеракционизма, в рамках которого функционируют и демонтируются полоролевые перформансы. Перформативность может протекать и как уход от предустановленного поведения, и как его подмена. В ситуации столкновения и влияния полоролевых скриптов, сценариев, выраженных в перформативных практиках, гендерная идентичность изменяется, так как является идеологически формируемым конструктом. Она формируется посредством перформативных полоролевых отношений, в то же время формируя их, то есть она их задаёт, варьирует, и в этих процессах изменяется. Батлер заключала по этому поводу: «Идентичности могут возникать и исчезать в зависимости от конкретных практик, которые их конституируют» [1]. Понимание этого открывает вход в проблему гендерных определений мужчины и женщины, различий между женственностью и мужественностью, которые меняются с течением времени.

Изучение динамично меняющихся объектов социальной реальности развивается в перформативной концепции Дж. Остина и продолжательницы его исследований Дж. Батлер [10]. В нашей трактовке процесс гендерного изменения можно представить схематически, как показано на рис. 1.

Гендерные представления разных временных эпох сосуществуют, приобретая большую или меньшую значимость. Новые поколения их комбинируют, соотносят друг с другом, чтобы с помощью различий между представлениями о поле дать новые гендерные характеристики. Осознание факта этих конструкционистских новаций произошло не так давно. Однако маскулинность и феминность уже осознаны и как личностные глубинные структуры индивида, и как стереотипные определения, внедренные в культурный дискурс. [2]

¹ *Родштейн Мария Николаевна*, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Педагогика и психология»

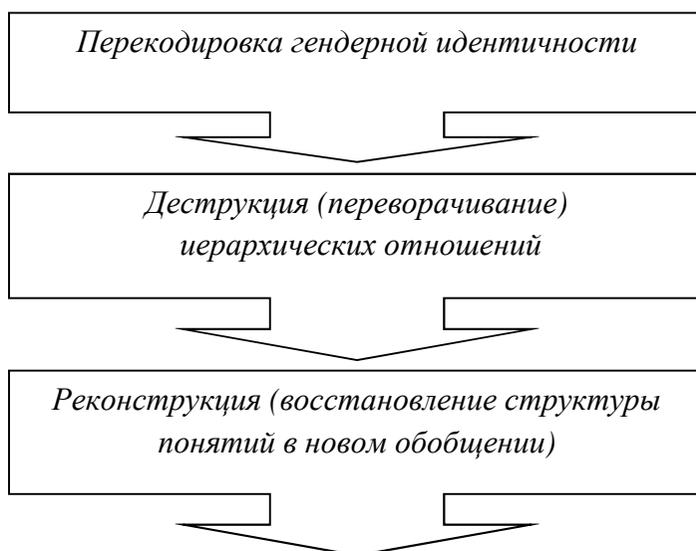

Рис. 1. Психологический процесс гендерного изменения

Отношения полов и полоролевая стратификация служат основой конструирования социального пространства общества. Они сформировались в условиях полоролевой классификации мира исторически. Будучи связанными с половыми отношениями, маскулинность и феминность являются теми «чистыми» структурами, которые могут быть положены в основание гендерной классификации мира, определяющей реальность на языке как социально-нормативных, так и культурно-смысловых значений.

Чтобы определить психологические причины изменений гендерной идентичности половых групп, а, следовательно, и схемы стратификации, следует проанализировать, как концепт перформативности находит своё отражение в поло-ролевых отношениях на этапах онтогенеза. Рассматривая категорию «гендер», Дж. Батлер и Е. Кософски-Седжвик развили перформативную теорию, доказывая, что категория гендер возникает как тиражирование социальных перформансов, конструирующих идентичности в актах самопредставления и самопрезентации.

Перформативность гендерной идентичности исключает дихотомичную проверку на маскулинность-феминность, несмотря на их важную роль в нормализации полоролевого взаимодействия. Перформативная идентичность получает подкрепление, когда она конструирует полоролевые перформансы как процессы успешного взаимодействия.

Перформансы поддерживаются конвенциональными структурами общества и культуры, при этом они подвергаются переформулировке. Батлер подчёркивает: «Эффект сущности гендера перформативно производится и подчиняется регулятивным практикам гендерной связанности». [1]

Результатом (в терминологии Элизабет Гросс – трансгрессирующего) желания является рождение новых практик деконструкции гендера, означающего «социальные ожидания относительно поведения, рассматривающегося как соответствующее для мужчин и женщин», [3] или «размывание» границ традиционной поло-ролевой идентичности. К трансгендерным формам самопрезентации следует отнести «уни-секс», «метросексуальность», трансвестизм и др. Они основаны на игре со знаками пола вне традиционных гендерных предписаний. Половая идентичность индивида в условиях «перепроизводства знаков пола» [4] может вообще не соответствовать его

сексуальным желаниям или поведению и вступать в противоречие с собственной гендерной идентичностью. Если андрогиния предполагает единство женских и мужских черт, то гендерная перформативность - их варьирование в зависимости от задач социальной адаптации.

Ещё в 19 веке А. Бине противопоставил идее сугубо социальных аспектов трансгрессии концепцию специфической ассоциации идей. Усвоение женственных черт мужчинами может быть связано с феминизацией интеллекта. Некоторые мужские качества (сила, агрессивность, способствующие борьбе за выживание) могут быть дисфункциональными в социальных отношениях, что приводит к их дискриминации и вытеснению. [5] Некоторые виды деятельности требуют сочетания женских и мужских качеств, что также способствует их нетипичной интеграции. Эмоциональная чувствительность и мягкость мужчины способствует его репродуктивному успеху и подкрепляет феминные черты. Определенный уровень маскулинности помогает женщине в поиске сексуальных партнеров, что также стабилизируется множественностью форм индивидуального опыта. Известная поэтесса серебряного века З. Гиппиус в своем дневнике делилась: «В моих мыслях, моих желаниях, в моем духе – я больше мужчина, в моем теле – я больше женщина. Но они так слиты, что я ничего не знаю». [6].

Каждая система отношений осуществляется в той или иной системе значений, при этом каждый элемент взаимодействий определяется собственной смысловой ролью и соответствующим архетипом взаимодействий, что обеспечивается как оценкой объекта взаимодействия, так и самооценкой. Дефицитная самооценка формируется в том случае, когда субъект самооценки производит ее без учета системности взаимодействия. На этом основании определяются признаки дефицита гендерной идентичности: в адаптивном измерении – отсутствие целостного представления о своей социальной идентичности и слабый уровень развития личной интернальности; в рефлексивном измерении фиксируются индикаторы социальной желательности и отсутствие идентичности; в интерперсональном измерении – возрастание тенденций эгоцентричности из-за недоверия к оценкам людей, не совпадающим с собственными; в аксиологическом измерении – неудовлетворенность собой, высокий уровень напряженности, обесценивание своего Я; в персонифицированном измерении – ригидная Я-концепция, привязанность к неадекватному образу Я [7, 8, 9].

Феноменологические характеристики дефицита социальной идентичности проявляются в отказе брать на себя социальные обязательства и социальную ответственность за факт собственного полового функционирования, а также высоким уровнем социальной тревожности, порождающей гендерную незрелость и неопределенность гендерного статуса, стремлением к конформным формам своего гендерного функционирования, эгоцентричностью и половой самоизоляцией.

Подводя итоги анализа роли феномена перформативности гендерной идентичности как фактора влияния на динамизм гендерной идентичности, мы можем заключить, что гендерный перформатизм является присвоением категориально-гендерных характеристик и ролевого репертуара своего и иного пола для достижения преимуществ в социальных интеракциях. Основанный на психологической способности личности к ролевому перевоплощению с присущим ему неустойчивым характером, гендерный перформанс функционирует только в процессе выполнения ролевой задачи, но при этом порождает неопределенность гендерной идентификации или деидентификацию.

Система перформативной социализации встречается в тех обществах, где дихотомия мужское – женское приобретает диффузный характер и где андрогинное нача-

ло воспринимается как воплощение изначальной целостности человека. Русская культура сохраняет принципиально разные задачи социализации мальчиков и девочек, однако она может быть реализована в семьях с полотицизированными родителями. Родители с перформативным гендером будут иметь трудности в воспитании гендерной типизированности детей. Воспроизведение архаических механизмов примитивного господства и самоутверждения свидетельствует о двойном устройстве российского культурного пространства, в силу чего гендерные расстановки семейных альянсов могут принимать благоприятные и неблагоприятные конфигурации для формирования гендерного сознания детей и их половой идентификации.

Для развития перформативных представлений необходимы медиаторы переосмысления дихотомии «женское – мужское», чтобы половой субъект мог социально легитимировать свои половые предпочтения. Формирование однозначного отношения к половым оппозициям может принять амбивалентный характер, если медиаторы (опосредствования) ослабляют представления о фундаментальном различии полов. Согласно М. Хоркхаймеру и Т. Адорно, мы имеем дело с противоборством рассудка и воображения, его факторами, отменяющими следование собственной природе. Гендерная идентичность наполняется идеологией социума в силу несамостоятельности, деавтономизации детского и юношеского самоопределения в ситуации отсутствия нормативности идентификации. В детстве, подростковом возрасте и юности гендерная идентичность слабо дифференцирована на уровне категорий, предпочтений, и потому может переориентироваться в зависимости от доминирующих стереотипов среды адаптации. Превращаясь в промежуточную идентичность, психологическая конфликтная двуполость, подвижная и изменчивая, в отличие от бесконфликтной андрогинии, развивается как бессознательная перформативность, когда половой субъект не различает феминные и маскулинные способы реализации идентичности и выстраивает недифференцированную категоризацию в соответствии с доктриной социальной приспособляемости. Гендерную идентичность метафорически можно назвать самой «пористой» формой общественного сознания, так как любые гендерные диспозиции имеют смысл лишь в определенном социокультурном контексте. Процесс культурной структуризации, категоризации, символизации половых образов, передаваемых от поколения к поколению, отмечен изменчивостью социальных установок, стереотипов и ролевых стандартов. Наряду с перформативностью половых представлений может наблюдаться и инверсия гендерной атрибутивности.

Недифференцированность гендерной идентичности может сохранять свои признаки и в более зрелом возрасте. Психологическая андрогиния напрямую соотносится с перформативной идентичностью как индивидуальной промежуточностью или трансгрессией половых образов. Однако в отличие от стабильной андрогинии перформативности присуща постоянная изменчивость и конфликтность.

И. Блох ещё в XIX веке [11] указывал на факторы распространения сексуальной трансгрессии: неблагоприятные условия детства, сексуальные игры со сверстниками, страхи другого пола и т. д. Э. Гидденс ввел понятие «пластичная сексуальность». Сексуальность стала пониматься как самостоятельное качество личности, не ограниченное репродуктивностью; своего рода «собственность», «ценность», «ресурс» индивида. [12].

В качестве примера эмпирической верификации интерактивных предпочтений подростков в социальных взаимодействиях можно привести авторское исследование.

В исследовании участвовало 70 детей возраста 7–10 лет и 60 детей возраста 11–12 лет, всего 130 учащихся. Исследование проводилось на базе МОУ СШ № 55 города Самара и МБОУ СОШ с. Екатериновка Приволжского р-на Самарской обла-

сти. В состав младшей группы вошло 40 девочек и 30 мальчиков. Среди детей 11–12 лет было 30 девочек и 30 мальчиков.

Для проведения исследования была разработана процедура с использованием следующих методик:

– вопросник Сандры Бэм по изучению маскулинности-феминности в модификации М.Н. Родштейн. Применялся с целью выявления гендерных характеристик и гендерных установок по отношению к своему и противоположному полу;

– социометрическая техника Дж. Морено в модификации М.Н. Родштейн. Данная методика применялась в работе с целью выявления «социометрических позиций», т. е. соотносительного авторитета членов группы по признакам **симпатии-антипатии**, где на крайних полюсах оказываются «лидер» группы и «отвергнутый». При этом одновременно анализировались гендерные характеристики выбираемых и отвергаемых респондентов с целью установления гендерных предпочтений в деловых и неформальных отношениях.

Анализ гендерных характеристик детей 7–10 лет показал, что более 60 % детей обоего пола обладают андрогинной гендерной идентичностью (рис. 2).

При этом можно отметить, что полотицизированных мальчиков несколько больше чем полотицизированных девочек.

Анализ качеств, которые дети хотели бы приобрести, показал, что желаемыми являются маскулинные или гендерно-нейтральные качества как у мальчиков, так и у девочек.

Наиболее предпочтительными является следующие качества:

у мальчиков

- склонность защищать свои взгляды;
- сила;
- стремление быть главным;
- склонность к риску;
- удачливость;

у девочек

- вера в себя;
- склонность защищать свои взгляды;
- настойчивость;
- стремление быть главным;
- привлекательность.

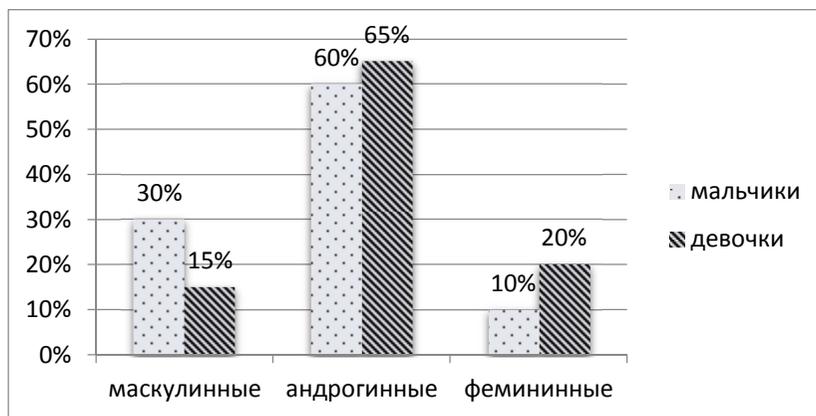

Рис. 2. Соотношение показателей гендерной идентичности мальчиков и девочек 7–10 лет

Данные предпочтения говорят о социальной востребованности маскулинности у детей данного возраста.

Еще одним параметром анализа служили предпочтения гендерных характеристик детей противоположного пола. Анализ этих данных показал, что и мальчики, и девочки наделяют представителя противоположного пола в большей степени полотицированными характеристиками. При этом мальчики считают, что девочки должны быть более феминными. Девочки же, несмотря на предпочтение маскулинных качеств, желают видеть в мальчиках и такие феминные характеристики как «умение уступать» и «умение сочувствовать», что, видимо, востребовано девочками в межличностном взаимодействии.

Анализ гендерных характеристик детей 11–12 лет выявил большую представленность полотицизированной гендерной идентичности, чем у детей 7–10 лет (рис. 3).

Можно предположить, что такие изменения связаны с наибольшим «отстаиванием» гендерно-типичных схем как демонстрации поло-ролевой нормы. Однако более 50 % детей и в этой возрастной группе имеют андрогинную гендерную идентичность, что подтверждает приоритет инверсивного гендера в современной социальной ситуации.

Показательной тенденцией является увеличение полотицизированнойности гендерных характеристик в самопрезентации детей. Однако доминирующей и в этой возрастной группе является андрогинная идентичность.

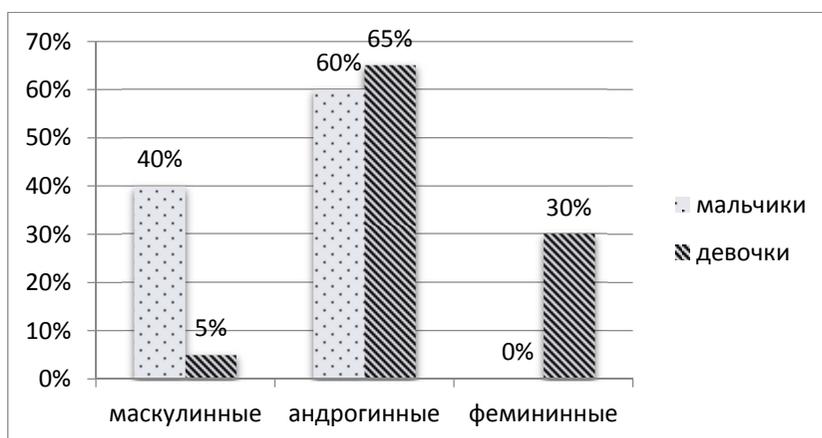

Рис. 3. Соотношение показателей гендерной идентичности детей 11–12 лет

Анализ качеств, которые дети хотели бы приобрести, показал, что желаемыми у мальчиков являются по-прежнему маскулинные или гендерно-нейтральные качества. Приоритеты девочек немного сместились в сторону феминных характеристик. Наиболее предпочтительными являются следующие качества:

у мальчиков

- склонность защищать свои взгляды;
- вера в себя;
- сила;
- склонность к риску;
- стремление быть главным;
- удачливость;
- независимость;

у девочек

- вера в себя;

- склонность защищать свои взгляды;
- привлекательность;
- нежность;
- женственность;
- способность утешить.

Данные предпочтения говорят о востребованности большего соответствия полоти-типизированным образам у детей 11–12 лет.

Еще одним параметром анализа служили предпочтения гендерных характери-стик детей противоположного пола. Анализ этих данных показал, что и мальчики, и девочки наделяют представителя противоположного пола в большей степени поло-типизированными характеристиками. При этом мальчики считают, что девочки должны быть более феминными. Девочки же, несмотря на преимущество маскулин-ных качеств, желают видеть в мальчиках и такие феминные характеристики как «умение уступать» и «умение сочувствовать», что видимо, востребовано девочками при межличностном взаимодействии.

Анализ социометрических данных показал, что в деловых отношениях наблю-даются следующие структуры выборов, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Выбор социометрических предпочтений в формальных отношениях

Гендерные характеристики	Мальчики	Девочки
Маскулинные	Маскулинные мальчики и маскулинные девочки	Андрогинные мальчики и феминные девочки
Андрогинные	Андрогинные мальчики и девочки	Вариативный выбор с разбросом гендерных характеристик
Феминные	Андрогинные мальчики и феминные девочки	Андрогинные или феминные мальчики и девочки

Анализ предпочтений говорит о том, что гендерные характеристики играют суще-ственную роль в построении межличностных взаимодействий детей данной возрастной группы. Традиционная поляризация однополых коалиций сглаживается гендерным со-ответствием участников взаимодействия. Например, маскулинные мальчики допускают деловые отношения с маскулинными девочками, способными поддерживать в группе активность и дух соревнования. В то же время маскулинные девочки предпочитают иметь деловые отношения с андрогинными мальчиками и феминными девочками спо-собными к взаимопомощи и не претендующими на лидерство. Дети с андрогинной ген-дерной идентичностью не проявляют жесткой схемы выборов.

В неформальных отношениях было обнаружено иное соотношение предпочте-ний (табл. 2).

Таблица 2

Выбор социометрических предпочтений в неформальных отношениях

Гендерные характеристики	Мальчики	Девочки
Маскулинные	Маскулинные мальчики и феминные девочки	Андрогинные мальчики и феминные девочки
Андрогинные	Андрогинные мальчики и девочки	Вариативный выбор с разбросом гендерных характеристик
Феминные	Андрогинные мальчики и феминные девочки	Маскулинные или андрогинные мальчики и феминные или ан-дрогинные девочки

Социометрические предпочтения в неформальных межличностных отношениях показали, что к представителю противоположной половой группы предъявляются более жесткие требования гендерно-ролевого соответствия.

Таким образом, сопоставление теоретических концептов и эмпирических данных позволяет сделать следующий вывод. Радикальное изменение представлений человека о себе самом приводит к возможности смены идентичности в зависимости от социальной ситуации и контекста. Бесконечная делимость идентичности соотносится с концептом Делеза о человеке как месте встречи противоречивых сил и стремлений [13]. Множественность идентичности соотносится с концептом мобилистической идентичности как многоликости автономного субъекта, ответственного за все принимаемые им решения. Многообразие конверсивных практик социальности, подвижность и абстрактность правил и законов скорее движимы правилами миметизма, чем рационализацией, поскольку сложный социальный контекст, в котором они применяются, непрерывно меняется.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Батлер, Дж.* Гендерное беспокойство / Дж. Батлер // Антология гендерной теории / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. – Минск: Пропилеи, 2000. – С. 317-318, 328.
2. *Алешина, Ю.Е.*, Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины / Ю.Е. Алешина, А.С. Волович // Вопросы психологии. – 1991. – № 4. – С. 74-82.
3. *Клецина, И.С.* Психология гендерных отношений: теория и практика: монография / И.С. Клецина. – СПб., Алетей, 2004. – 408 с.
4. *Бодрияр, Ж.* Мода или феерия кода. Модификация пола / Ж. Бодрияр // Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
5. *Энгельштейн, Л.* Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков / Л. Энгельштейн. – М.: Терра, 1996. – 570 с.
6. *Кон, И.С.* Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви / И.С. Кон. – М.: Олимп; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – 496 с.
7. *Джерджен, К.Дж.* Движение социального конструкционизма в современной психологии / К.Дж. Джерджен // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. – М.: ИНИОН РАН, 1995. – С. 51-73.
8. *Кон, И.С.* Маскулинность как история / И.С. Кон // Гендерные проблемы в общественных науках / Отв. ред. Н.М. Семашко. – М., 2001. – С. 9-38.
9. *Лопата, В.В.* Социокультурные основания исследования гендерных трансформаций современного общества [Текст] / В.В. Лопата // Культура и общество: история и современность: материалы II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. – Ставрополь: ООО «Ветеран», 2013. – С. 88-92.
10. *Остин, Дж.* Перформативы – констативы / Дж. Остин // Философия языка / Ред.-сост. Дж.Р. Серл. – М.: Едиториал. УРСС., 2010. – 208 с.
11. *Блох, И.* Половая жизнь нашего времени и её отношение к современной культуре / Перевод с шестого нем. изд. под редакцией М. Бройдо. – Санкт-Петербург: Типография Товарищества «Общественная польза», 1911. – 624 с.
12. *Иоффе, Е.В.* Сексуальная культура и трансгрессия сексуальности: анализ конфликта / Е.В. Иоффе // Гендерные разночтения: Материалы IV межвузовской конференции молодых исследователей «Гендерные отношения в современном обществе: глобальное и локальное» (22-23 октября 2004 г.) / Отв. ред. М.В. Рабжаева. – СПб.: Алетей, 2005. – С. 160-168
13. *Делез, Ж.* Логика смысла / Ж. Делез. – М.: Академический Проект, 2011. – 472 с.

Поступила в редакцию 15.01.2018
В окончательном варианте 16.02.2018

TO THE QUESTION ABOUT THE DYNAMICS OF CHANGES OF GENDER IDENTITY

*M.N. Rothstein*¹

¹Samara State University of Social Sciences and Education
65/67, M.Gorkogo Str., Samara 443099

¹E-mail: rodshtein@inbox.ru

The article offers a theoretical and empirical justification for the latent process of changes in gender identity. As the object of research, the phenomenon of performative character of gender identity is considered as a property that allows to design and actualize the format of the gender role display in the processes of successful and unsuccessful social interaction. The empirical arguments are gender preferences of adolescents in formal and non-formal interaction practices.

Keywords: *gender identity, masculinity, femininity, performance, performativity, gender-role relationships, the deconstruction of gender and cultural discourse.*

REFERENCES

1. *Butler, J. Gender Anxiety* / J. Butler // *Anthology of Gender Theory* / Ed. E. Gapova, A. Usmanova, Minsk: Propylaea, 2000. P. 317-318, 328.
2. *Aleshina, Yu.E. Problemy usvoeniya rolej muzhchiny i zhenshchiny* [Problems of mastering the roles of men and women] / Yu.E. Aleshina, A.S. Volovich // *Questions of psychology*. 1991. № 4. P. 74-82.
3. *Kletsina, I.S. Psihologiya gendernyh otnoshenij: teoriya praktika*: [Psychology of gender relations: theory and practice: monograph] / I.S. Kletsina. St. Petersburg, Aleteya, 2004. 408 p.
4. *Baudrillard, J. Moda ili feeriya koda. Modifikaciya pola* [Fashion or extravaganza code. Modification of sex] / J. Baudrillard // *Symbolic exchange and death*. Moscow: Dobrosvet, 2000. 387 p.
5. *Engelstein, L. Klyuchi schast'ya. Seks i poiski putej obnovleniya Rossii na rubezhe XIX–XX vekov* [The keys of happiness. Sex and the search for ways to renew Russia at the turn of the XIX–XX centuries] / L. Engelstein. Moscow: Terra, 1996, 570 p.
6. *Kon, I.S. Lunnyj svet na zare. Liki i maski odnopoloj lyubvi* [Moonlight at the dawn. Faces and masks of same-sex love] / I.S. Kon. Moscow: Olympus; OOO "Firma "Publishing House ACT", 1998. 496 p.
7. *Jergen, K.J. Dvizhenie social'nogo konstrukcionizma v sovremennoj psihologii* [The movement of social constructionism in modern psychology] / K.J. Jergen // *Social psychology: the self-reflection of marginality. Reader*. Moscow: INION RAS, 1995. P. 51-73.
8. *Kon, I.S. Maskulinnost' kak istoriya* [Maskulinity as a history] / I.S. Kon. // *Gender problems in social sciences* / Otv. Ed. N.M. Semashko. Moscow, 2001. P. 9-38.
9. *Lopata, V.V. Sociokul'turnye osnovaniya issledovaniya gendernyh transformacij sovremenogo obshchestva* [Tekst] [Socio-cultural foundations of the study of gender transformations of modern society] [Text] / V.V. Lopata // *Culture and Society: History and Modernity: materials of the II All-Russian (with international participation) scientific-practical conference*. Stavropol: Veteran LLC, 2013. P. 88-92.

¹ *Maria N. Rodshtein*, Cand. Psych. Sci., Associate Professor of Pedagogy and Psychology Department

10. *Austin, J.* Performativny – konstativny [Performatives – Constants] / J. Austin // Philosophy of language / Ed.-Comp. J.R. Searle. Moscow: Editorial. URSS., 2010. 208 p.
11. *Bloch, I.* Polovaya zhizn' nashogo vremeni i eyo otnoshenie k sovremennoj kul'ture [Sexual life of our time and its relation to modern culture] / I. Bloch. Translation from the sixth German. ed. edited by M. Broydo. St.Petersburg: Printing house of the Association "Public Benefit", 1911. 624 p.
12. *Ioffe, E.V.* Seksual'naya kul'tura i transgressiya seksual'nosti: analiz konflikta [Sexual Culture and the Transgression of Sexuality: Conflict Analysis] / E.V. Ioffe // Gender Variations: proceedings of the IV Inter-College Conference of Young Researchers "Gender Relations in Modern Society: Global and Local" (October 22-23, 2004) / Otv. Ed. M.V.Rabzhaeva. St. Petersburg: Alety, 2005. P. 160-168
13. *Deleuze J.* Logika smysla [The logic of meaning] / J. Deleuze. Moscow: Academic Project, 2011. 472 p.

Original article submitted 15.01.2018
Revision submitted 16.02.2018